

**Н. В. Эйльбарт, *Смутное время в польских документах
Государственного архива Швеции. Комментированный перевод
и исторический анализ,*
wydawnictwo: СО РАН, Nowosybirsk 2013, ss. 400.**

Книга Н. В. Эйльбарт – результат работы автора в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet) с документами на польском языке из собраний Extranea Polen и Скокlostерского замка (Skokloster samlingen). Оба они оказались в Швеции в качестве военного трофея в годы польского Потопа. Книга издана в Новосибирске и является первым опытом масштабного исследования автора в области Смуты начала XVII в.; прежние работы Н. В. Эйльбарт были посвящены истории науки в Сибири.¹

Рецензируемая монография претендует на то, чтобы быть одновременно публикацией источников по истории Московского государства в Смуту и, одновременно, предъявить *urbi et orbi* новый взгляд на важнейшие (и более четырех столетий дискутируемые) события Смуты начала XVII века.

Сразу хочется отметить важнейшие особенности книги, они заложены в ее структуре и являются одновременно слабыми, и, возьму на себя смелость утверждать это, сильными ее сторонами. Книга делится на хронологические разделы «В преддверии Смуты», «Лжедмитрий I», «Дело Тушинского вора», «Московский поход Сигизмунда III», «Якуб Задзик и Ян Гридич о Московской войне» и «Московский поход королевича Владислава». Выделенные разделы книги неравномерно обеспечены источниками: наибольшее число документов относятся к осаде Смоленска и к походам 1612-1613 и 1617-1618 гг. Каждый раздел снабжен предисловием, где формулируется авторский взгляд, подчас весьма оригинальный, на описываемые публикуемыми памятниками события; там же содержатся общие комментарии к документам. Далее следуют собственно тексты документов, сразу в переводе на русский язык, без текста оригинала. Часть документов дана в отрывках; особенное сожаление вызывает публикация отрывков из писем, подчас трех-четырёх строчек. Вместе с тем практически все

¹ Н. В. Эйльбарт – автор серии статей и монографий, посвященных естествоиспытателям-исследователям Забайкалья (Н. В. Эйльбарт, *Портреты исследователей Забайкалья: вторая пол. XIX-нач. XX в.,* Москва 2006 и мн.др.). Удалось найти еще следующую статью автора на данную тему: Н. В. Эйльбарт, *Московский поход Сигизмунда III в польских документах Государственного архива Швеции, „Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета“* 2013, № 2 (49), s. 166-173.

памятники выявлены Н. В. Эйльбарт самостоятельно и вводятся ей в научный оборот впервые.

Сперва – об основных наблюдениях и идеях, высказываемых автором книги. Ценным замечанием ученого является то, что все польские источники однозначно утверждают, что все нити самозванца сходятся к Москве, и русские навязали им Лжедмитрия (с. 16). Сама по себе мысль о том, что самозванческая интрига родилась в Москве не нова: она выдвигалась во всяком случае с конца XIX века. Самым известным ее выразителем, видимо, должен считаться В. О. Ключевский. Однако для привычного «школьного» российского нарратива новый, дополнительный аргумент в пользу интерпретации первого Лжедмитрия не в качестве польского ставленника, а в качестве тарана московских оппозиционных Годунову кругов, несомненно важен. Тем более, Н. В. Эйльбарт подкрепляет это свое утверждение дополнительными соображениями. По ее словам, польские источники подтверждают, что вошедший в восточные пределы Речи Посполитой самозванец долгое время прожил у Адама Вишневецкого. Однако последний – не был сколько-нибудь влиятельным человеком в Речи Посполитой (с. 17). Убедить короля согласиться на поддержку самозванца удалось только влиятельному Юрию Мнишку, через нунция Рангони, краковского епископа Бернарда Мациевского и ксендза Фирлея (с. 18). Н. В. Эйльбарт полагает, что Мнишек мог рискнуть пойти на поддержку самозванца, только надеясь на поддержку московских бояр. Исследовательница считает, что посланники бояр-оппозиционеров были в русской свите самозванца (с. 19-20). Важно также и то, что документы, вводимые Н. В. Эйльбарт в научный оборот, в целом опровергают мнение об активной поддержке Лжедмитрия католическим польским духовенством. Коронный секретарь Гембицкий, львовский архиепископ Ян Замоийский высказали очень осторожное отношение к идее поддержать претендента (с. 21). Допрошенные в Москве интернированные в 1606 г., а позже освобожденные царем Василием Шуйским, польские послы Н. Олесницкий и А. Гонсевский резко отвергли обвинение их (и свергнутого к тому времени Лжедмитрия) в попытке распространить католичество; сношения же с папским престолом в качестве обвинения вовсе, по их мнению, не имело значения – и тут они ссылались на контакты Ивана IV с Григорием XIII (с. 63). Светские участники сейма 1604 г. колебались от резко враждебного отношения к самозванцу до равнодушного. Даже сеймик Сандомирского воеводства («опатовский сеймик»), который, вроде бы, должен был сочувственно относиться к позиции Юрия Мнишка, также высказал очень осторожную позицию (с. 22).

Большая часть книги посвящена тушинскому движению. Подробно рассматривая выявленные документы, Н. В. Эйльбарт, однако, совершенно не апеллирует к существующей историографии: и это при том, что движению Лжедмитрия II посвящено два обстоятельных исследования И. О. Тюменцева². В то же время, сама исследовательница не ограничивается простыми комментариями к публикуемым памятникам, но предлагает собственную трактовку важных историографических вопросов. Так, по ее наблюдениям, в королевском окружении

² И.О. Тюменцев, *Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II*, Wołogograd 1999; tenże, *Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II*, Moskwa 2008.

прочно утвердилось мнение о том, что Тушинский вор был выкрестом, ранее входившим в окружение Первого самозванца и поэтому бывшим в курсе его дел. По мысли Н. В. Эйльбарт: письма Второго самозванца к Марине Мнишек выдают в нем человека малообразованного, довольно низкой социальной принадлежности, заискивающего перед знатной женщиной, от благосклонности которой он всецело зависел. (с. 84-85). Довольно неожидан вывод исследовательницы о связи Лжедмитрия I и рокошан Зебжидовского, которых король стремился выдать из Речи Посполитой (с. 85-87). Н. В. Эйльбарт пишет, что и видные польские участники событий в Московском государстве не сомневались в фальшивости Второго самозванца: на сейме 1609 г. сам Юрий Мнишек говорил о самозванстве новоиспеченного зятя; другой «эксперт», Н. Олесницкий также обличал самозванство тушинского царика. При этом оба этих деятеля на сейме склоняли короля к московскому походу (с. 88-89). После начала похода игра, как пишет Н. В. Эйльбарт (с. 92), была проиграна, но ни Юрий Мнишек, ни Марина до конца не теряли надежду на возможную последнюю удачу.

Чрезвычайно особняком в историографии стоит мнение Н. В. Эйльбарт об убийстве Тушинского вора как интриге, инспирированной королем Сигизмундом III, основываясь на реляции неизвестного автора о гибели Дмитрия (документ 23 данного раздела) и известиях о благоволении тушинских татар к королю. Согласно реляции, король отдал прямое указание об убийстве Тушинского вора 12 декабря 1610 г. (н.ст.), и оно было исполнено Петром Урусовым 21 декабря (с. 96-97). Такой вывод Н. В. Эйльбарт является крайне оригинальным и противоречит общепринятому взгляду на события под Калугой в декабре 1610 г.; видимо, пока недостаточно сведений для того, чтобы поддержать здесь этот новый для историографии взгляд.

Очень интересны другие архивные находки Н. В. Эйльбарт. Они позволяют установить, в частности, что в польско-литовском войске под Смоленском ходил слух о том, что походы сторонников Карла IX в Лифляндию финансируются из Москвы. Кроме того, опасались, что в Ивангороде может высадиться направленное королем Кристианом IV датское войско (с. 150, тж. с. 201, прим. 184). Существовало также мнение о том, что служивший смоленским воеводой ранее назначения М. Б. Шеина кн. И. С. Куракин симпатизировал Речи Посполитой и был готов при вторжении королевского войска сдать крепость Сигизмунду III. Вернувшийся из московского плена А. И. Гонсевский пользовался в Речи Посполитой репутацией знатока московских дел. Его рейд к Великим Лукам, совершенный еще в июне 1609 г. и благосклонное отношение великолуцких властей к идее подчиниться королю во многом подкрепили стремление идти в поход к Смоленску (с. 149-150). Н. В. Эйльбарт обращает внимание на слова С. Кобежицкого о том, что король, находясь под Смоленском, ежедневно посещал службы в пригородном Борисоглебском монастыре. Из польско-литовского лагеря к населению посылались обращения, уведомляющие о безопасности со стороны армии осаждающих (с. 153).

Однако серьезные ошибки были допущены Сигизмундом в отношении московских элит. По мнению Н. В. Эйльбарт, король приказал уничтожить оригинал присяги Владиславу от 22 августа 1610 г. От осажденных смолян король потребовал двойной присяги, себе и Владиславу, что вызвало недоумение и отторжение: смоляне возмущались: как «будем жить под двумя государями»? (с.

153-154).

Серьезные сомнения выражали польские сенаторы, такие как, по словам Н. В. Эйльбарт, витебский воевода Ян Завиша, активно возражавший против королевской высокомерной политики по отношению к москвичам. Он явно высказывался о том, что вся война ему по вкусу, московская присяга была получена Жолкевским силой, причем принцу Владиславу присягнула только Москва, а не страна (с. 156). Интересно замечание исследовательницы о том, что А. Гонсевский в своем отношении к москвичам оказался большим реалистом, чем С. Жолкевский, уверявший, что в Москве бочкой водки он купил многих людей. Однако в королевском лагере гетману пришлось оправдываться: трудно же было бы не составлять такой договор с московской элитой – второй претендент (Тушинский вор) стоял с другой стороны и принял бы любые условия москвичей (с. 309). В то же время, как замечает Н. В. Эйльбарт, возглавивший московский гарнизон А. Гонсевский ходил по лезвию бритвы. Ему одновременно необходимо было и обезопасить гарнизон от москвичей и предотвратить бунт польских солдат (с. 154-156).

Важной находкой Н. В. Эйльбарт является обнаруженный ей эпистолярный комплекс (53 письма), связанный с именем ксендза Я. Задзика, королевского секретаря, отправленного канцлером Л. Гембицким под Смоленск. Весь комплекс относится ко времени после июня 1610 г.; та часть содержания писем, которая воспроизведена в рецензируемой публикации позволяет получить довольно яркую картину настроений в королевском лагере. Очень большие надежды были связаны с приходом украинских казаков, однако их присоединение к королевскому войску обернулось, по мнению других осаждающих, сплошной бедой. Задзик пишет, видимо, отражая такие настроения: «невозможно мужиками город взять» (с. 225). Сигизмунд III терпел упорство московских послов, прежде всего кн. В. В. Голицына, пока в их адрес не высказались их товарищи, московские бояре. 8 января 1611 г. Я. Задзик сообщал своему патрону Гембицкому, что бояре прислали послам и смолянам грамоту с требованием принести присягу Сигизмунду и Владиславу. (с. 233). Весь февраль Сигизмунд консультировался, как ему следует поступить с митрополитом Филаретом и кн. В. В. Голицыным. Гетман С. Жолкевский настаивал на том, что требуется продолжать переговоры. По мнению Н. В. Эйльбарт, он понимал, что дело почти проиграно; брацлавский воевода кн. Потоцкий настаивал на их заключении под стражу, ссылаясь на прецедент, случившийся в 1580 г. Король же колебался. 22 марта в королевский лагерь пришло новое письмо от бояр, подтверждавшее требования к послам и к Смоленску. Таким образом, письма Я. Задзика, вроде бы свидетельствуют о том, что арест и дальнейшее интернирование послов были инспирированы их московскими недоброжелателями (и в любом случае пользовались их поддержкой) (с. 234-236). Однако в эти дни, как известно, в Москве происходили очень серьезные события, которым Сигизмунд не придавал особенного значения, тогда как Жолкевский, согласно Н. В. Эйльбарт, отказался возвращаться в Москву, не желая более участвовать в темной авантюре. При этом гетман до последнего убеждал короля ехать на сейм, оставив Смоленск в осаде. О судьбе гарнизона в Москве в королевском лагере не знали ничего с середины апреля до конца мая. Вскоре после получения неутешительных известий пал Смоленск: в такую удачу,

согласно Я. Задзика, в королевском лагере уже никто не верил. Королевский секретарь осуждал насилия гарнизона по отношению к москвичам и боярам (с. 237-239). Началась подготовка к походу на Москву (по словам Н. В. Эйльбарт – с. 239 – «позорной кампании»). В конце сентября 1612 г. гетман Я. К. Ходкевич сообщил Сигизмунду III о катастрофическом положении гарнизона в Москве. Ходкевич убеждал короля написать в Москву, что он отпускает Владислава царствовать, на что Сигизмунд отвечал: «предпочитаю дать им Шуйского, нежели согласиться на условия, на которых присягнул Жолкевский». Примечательно известие Я. Задзика, участника «позорной кампании», о том, что с началом похода к королю явилась депутация от смолян – участники Второго ополчения, вопрошавших, идет ли на царство Владислав; вскоре к королю присоединились депутации от Невеля и Торопца (с. 240-241). В конце ноября стало известно о капитуляции гарнизона в Москве. Из крепостей, которые королевское войско миновало никто не показывался. У солдат возник страх повторения судьбы московского гарнизона (с. 242). Когда король достиг в конце ноября Вязьмы, оттуда в Москву было отправлено посольство в составе кн. Д. И. Мезецкого, дьяка И. Т. Грамотина, Я. Зборовского и А. Млоцкого. Они должны были формально сообщить москвичам, что король идет провожать царя Владислава в столицу. Задзик сообщает о ведшихся под Москвой переговорах, допросе И. Философова, сообщившего, как известно, об обстоятельствах, в которых происходило избрание царя Михаила, отчаянных попытках короля связаться с возможными союзниками – Яковом Деллагарди и Иваном Заруцким (с. 243-245). Здесь вновь обращает на себя внимание то, что ценные документы, отрывки из которых публикует Н. В. Эйльбарт не получают комментария, который просто просится: в контексте опубликованных в 2008 г. работ Г. А. Замятина, где именно сообщения И. Философова являются одним из важнейших аргументов для реконструкции Избирательного собора (достаточно, на мой взгляд, спорной). Однако работа Г. А. Замятина³ осталась неизвестной исследовательнице. Одним из самых ярких документов, вошедших в подготовленную Н. В. Эйльбарт публикацию должен считаться статейный список посольства кн. Ю. Н. Трубецкого, И. Н. Салтыкова и дьяка В. О. Янова, отправленного из Москвы в Варшаву к королю Сигизмунду царю Владиславу и не вернувшееся назад в захваченную Мининым и Пожарским российскую столицу. Этот документ Н. В. Эйльбарт не смогла точно атрибутировать; вместе с тем русскую транскрипцию она опубликовала полностью. Исследовательница считает, что комплекс документов, названный в свое время шведскими архивистами «Хроникой Гридича» представляет собой «собрание писем и собственно дневник событий». Надо сказать, что в рецензии на первую публикацию этого документа (осуществленную А. Гиршбергом во Львове в 1901 г.⁴) данный памятник довольно точно назван: «дневник московского посольства, отправленного из Москвы осажденными в Кремле боярами к королю Сигизмунду»⁵. Автор публикации

³ Г. А. Замятин, *Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории*, Sankt Petersburg 2008.

⁴ *Dyaryusz poselstwa moskiewskiego wysłannego do Warszawy z końcem r. 1611*, [w:] A. Hirschberg, *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III*, Lwów 1901, s. 333-384.

⁵ К. Х. Рец, *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII*, „Журнал Министерства народного

справедливо указывает на многочисленные полонизмы, используемые в тексте (с. 246): ими избилуют русские документы, составленные в Смуту; но при передаче их в публикации исправляет «слова, которые могут быть непонятны современному читателю». Я полагаю, что полонизмы в московском бюрократическом языке начала XVII в. являются важным памятником эпохи; отказ от них при передаче текста – большая ошибка⁶. Сравнение текста, опубликованного по копии из собрания замка Ску-Клостер А. Гиршбергом, и текста, опубликованного Н. В. Эйльбарт, показывает, что современная исследовательница пошла по пути сознательного упрощения текста, отказа от передачи оборванных фраз и проч. Между тем значение этого документа, редко используемого при реконструкции событий Смутного времени сложно переоценить и новая научная публикация его была бы крайне ценной. Поясню некоторыми примерами (ссылки ниже даются по публикации Н. В. Эйльбарт).

В статейный список включены многие сохранившиеся только в данном документе грамоты 1611-1613 гг., в частности – грамота Сергия, архиепископа Смоленского и Брянского кн. Д.М. Черкасскому и кн. В.П. Амашукову и всех городов дворянам и детям боярским с резкими словами в адрес «Михалки Романова» и уверениями об отсутствии гонений на церкви «греческой веры» в Речи Посполитой, об украшении королем церквей в Дорогобуже, Вязьме, Козельске (с. 374-377), грамоты думного дьяка В. О. Янова и послов кн. Ю. Н. Трубецкого, И. Н. Салтыкова к «преже бывшим православным христианам, а ныне крестопреступникам» с призывами прекратить братоубийство (с. 378-380). Примечателен ответ московских бояр на эти грамоты. К послам, недавно отправленным к королю авторы ответа обращаются не иначе как «бешеные собаки». Редкий, почти уникальный случай изложения в ответной грамоте родословия бояр Романовых, начиная с Захария Ивановича Кошкина, с упоминанием их заслуг. В грамоте содержатся и важные биографические сведения об адресатах послания. Обращаясь к И. Н. Салтыкову, бояре пишут: «А ты, Иван, первый королю и королевичу изменил, и к ним укорительные грамоты писал, а после того у князя Дмитрия Пожарского жалованье взял в Ярославле», оттуда отъехал под Москву к кн. Д. Т. Трубецкому, желая их ссорить, а из-под Москвы сбежал к королю. Кн. Ю. Н. Трубецкой, следуя авторам московской грамоты, хотел при царе Василии бежать на Дон, был пойман и посажен в тюрьму, «с прочими ворами и изменниками». При этом нынешнюю позицию кн. Ю. Н. Трубецкого московские бояре именуют «дуростью», а И. Н. Салтыкова – воровством (с. 380-382). Думаю, что данный источник требует обстоятельной научной публикации. Остается сожалеть о том, что публикацию в данной книге нельзя причислить к таковой.

Документы о походе королевича Владислава 1617-1618 гг. Н. В. Эйльбарт также предваряет серией своих наблюдений и предположений. По мнению исследовательницы, одной из возможных причин провала этого похода были дипломатические усилия Москвы по разжиганию вражды между Портой и

просвещения” т. 348, 1902, № 7/, с. 450.

⁶ А. А. Селин, Ганкарсон Я. *Новый документ о взятии Ладогои Иваном Салтыковым*, „Староладожский сборник” wyd. 9, Sankt Petersburg 2012, s. 223-232.

Речью Посполитой (с. 383). Она отмечает, что король Сигизмунд III намеревался отправить посла в Москву еще в 1614 г.; принц же Владислав не играл роли в подготовке похода. Готовивший поход король так формулировал его цель: не война и штурмы, но склонить московский народ к присяге Владиславу (с. 384). Весьма важны те замечания, которыми поляки-участники похода характеризовали настроения в Москве: «Этот Михалка, их теперешний царь, весьма сомневается в своих правах на трон, только мать его удерживает, а он хотел уже было убежать» (с. 385) (и на это Н. В. Эйльбарт обращает внимание). В опубликованных текстах содержатся и другие слухи о розни среди москвитян, гулявшие среди участников похода, к примеру 9 июня в лагере под Вязьмой говорили, что князь Пожарский де сильно склоняется на сторону Владислава, из Москвы также передают слух о том, что царь отправил на Белоозеро всех бояр и казну, сам собирается туда уехать (с. 390). Важное значение придает она и причинам провала переговоров под Москвой, представлявших собою взаимные угрозы и нелепые обвинения (с. 387).

По всему тексту книги встречаются необычные транскрипции имен собственных; самый здесь яркий пример: Инфляндия (вместо: Лифляндия) (С. 123, 149); приходится предположить, что этот полонизм (или белорусизм?) Н. В. Эйльбарт использует, будучи не вполне хорошо знакомой с традиционным написанием этого топонима. На одной из иллюстраций на вклейке в книге (между с. 216 и 217) – план штурма Ивангорода Военного архива Швеции. Этому плану посвящена специальная статья М. И. Мильчика⁷, Н. В. Эйльбарт не известная. Сложности у исследовательницы вызывают имена московских деятелей (Абросим Лодиринский вместо: Абросим Лодыженский – с. 123).

Подводя итог, хочу заметить, что после выхода в свет рецензируемой книги уже нельзя говорить о том, что ее не было (хотя общий тираж – 280 экземпляров). Документы, приведенные в ней – ценнейшее открытие Н. В. Эйльбарт. Однако приходится сожалеть о следующем. Прежде всего, автор не смог найти свое место в историографии Смуты. На протяжении всей книги остается впечатление, что Н. В. Эйльбарт недавно соприкоснулась с тематикой Смутного времени и хочет как можно быстрее совершить открытие: вместе с тем неясно, насколько ей известно все поле исследований в этой области. Вторым очень существенным недостатком считаю архаичный подход к публикации источников: часть документов представлены произвольно выбранными фрагментами; авторская редакция не поясняется и, главное, представлен лишь русский перевод (или транслитерация), без подлинного польского текста. Хотелось пожелать автору найти возможность опубликовать выявленный ценнейший материал на современном уровне археографии.

Адриан Александрович Селин
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Sankt Petersburg)

⁷ М. И. Мильчик, *Изображения крепостей и городов бассейна Балтийского моря на русской карте 1656 г.*, „Труды Государственного Эрмитажа“ т. XXXIV: *Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства*, Sankt Petersburg 2007, s. 271-297.